Религиозная угроза как предмет социально-философского исследования

Младенов Василий Иванович соискатель кафедры философии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», mladenov.v@mail.ru

В статье проводится анализ методологии исследований проблемы религиозных угроз, ставящий целью выявления их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности. Методология представленного исследования составлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом, определяющих ход исследования, заключающийся не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии. Как доказывает автор, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция понуждает их предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось. В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо также как и его конкуренты трансформировать свою социальную политику.

Ключевые слова: Религиозные угрозы, религиозная безопасность, эволюция религии, религиозный конфликт, социальная адаптация религии, религиозный экстремизм, антикультизм.

Ведение. Эпоха современности характеризуется как мир, в котором взаимодействует множество религий, что создает проблему их взаимодействия. Причиной является то, что каждая из религиозных организаций, заявляя о своих исключительных правах на общение с Богом (иным миром), находится в состоянии непрерывной борьбы с другими организациями за расширение сферы своего влияния. Эта борьба, длящаяся на протяжении всей человеческой истории, сопровождается взаимным непониманием, неприятием и многочисленными обвинениями, указывающими на угрозу личности, обществу и государству со стороны религиозных оппонентов. При этом, в современном мире в связи с глобализацией мирового культурного пространства проблемы религиозного противостояния становятся все более актуальными. Этот процесс сопровождается появлением значительного количества религиозных угроз, что требует проведения социально-философского анализа данной проблемы [7]. Таким образом, основной целью исследования содержания религиозных угроз должно стать выявление их специфики по сравнению с иными угрозами государственной и общественной безопасности.

Степень исследованности темы. Проблемы религиозных угроз анализируются Р. Д. Лифтоном, Д. Гротуисом, С. Хассеном, А. Л. Дворкиным, А. И. Хвыля-Олинтером, И. А. Тарасевичем в рамках концепции религиозной безопасности. Социально-философские концепции, позволившие сформировать базу критики данной концепции, формулировались положения М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, К. Маркса, Р. Дарендорфа, Н. Лумана, Э. Баркер, Дж.

Ричардсона, П. Тиллиха, Б. Р. Уилсона, И. Я. Кантерова, С. И. Иваненко. Методология представленного исследования составлена феноменологическим подходом, сравнительным подходом, историческим подходом, комплексным подходом.

Результаты анализа показали, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, приносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Религиозная угроза заключается в понятии об опасности влияния на верующих вероучения, которое приводит их к преступлениям, либо к совершению преступлений против них. Однако в последнем случае речь идет о трансцендентных ценностях, которые оцениваются субъективно, результатом чего являются противоположные оценки одним и тем же действиям традиционных, считающихся социально приемлемыми и нетрадиционных, считающихся экстремистскими религий.

Обсуждение результатов. В рамках поставленной цели важно разобраться с определением религиозной угрозы, так как анализ исторических, юридических, социологических, психологических, социально-философских публикаций, посвященных религиозной безопасности, доказывает, что понятие о религиозной угрозе представляет собой отправную точку большинства исследований этого явления. При этом некорректное определение религиозной угрозы может стать причиной ошибок в определении стратегии религиозной безопасности. В частности, понимание сущности религиозной угрозы у отечественных исследователей, расширительно трактующих религию (или виды религий), как источник общественной угрозы, существенно отличается от юридического определения содержания понятия «угроза» [16].

Например, Стратегия национальной безопасности трактует понятие экстремизм, как социальную систему, которую составляет широкий комплекс явлений, таких как организации, идеологические положения, установки, а также практические действия граждан и социальных групп, использующих насилие, либо угрозу его применения в отношении к личности, обществу, государству, а также международным, политическим, национальным и религиозным организациям, имеющие целью изменение государственного строя, разжигание социальной вражды [13]. Из этого перечня вытекает, что религиозные организации могут представлять собой угрозу современному обществу. Однако в то же время такую же угрозу могут представлять и многие другие нерелигиозные организации, выступающие против религии или каких-либо видов религии. Таким образом, остается не ясным, чем экстремистские действия со стороны религиозных организаций отличаются от экстремистских действий со стороны любых других социальных, националистических, этнических и иных структур [3].

Поэтому сегодня среди специалистов ведутся споры относительно этого понятия. Одни пытаются обосновать ключевую роль религиозного фактора. Другие напротив полностью отрицают само это явление. Те, кто стремится обосновать такое понятие, как «религиозный экстремизм», утверждают, что его основным сущностным признаком выступает религия. К этой группе относится И. А. Тарасевич, который определил религиозную угрозу, в качестве условий и факторов, возникающих в рамках религиозного пространства и создающих возможность нанесения прямого или косвенного ущерба человеку, обществу, государству [20]. Однако, если учесть, что в современной России есть религиозная и нерелигиозная сферы, которые соотносятся условно как светскость и религиозность, то из

приведенного определения получается, что только религиозная сфера является источником угроз, с чем нельзя согласиться полностью. Дело в том, что признавая факт того, что религия представляет собой особую сферу, активно влияющую на социальную, политическую, культурную жизнь и т.д. жизнь, то необходимо признать и то, что ее воздействие не сводится только к экстремизму [9].

Большинство исследователей процессов взаимодействия между обществом и религией справедливо указывают на то, что указанная социальная система имеет различные уровни [5]. В частности, религиозные нормы в значительном количестве случаев оказывают сдерживающее влияние на поведение верующих, указывая на запретные формы поведения. С другой стороны, необходимо указать на то, что многие религиозные установки, основанные на вере в исключительность источника религиозной истины, ведут к формированию религиозного фанатизма, углублению нетерпимости, национальной розни. Таким образом, согласно ученым, обосновывающим правомерность понятия «религиозный экстремизм», религия, обладающая мощным идейным потенциалом, обладает ресурсами, способствующими возникновению социальных угроз и конфликтов [22].

Противоположная точка зрения доказывает, что «чистого религиозного экстремизма» не существует, так как за термином «религиозный экстремизм», чаще всего стоят те явления, которые на деле являются политическим, экономическим или военным экстремизмом. «Религиозный экстремизм», определяемый как деструктивная форма социальных отношений сопровождающихся агрессивной пропагандой неких религиозных ценностей, признается здесь исключительно социальным явлением, несущим угрозу, связанную, с теми противоправными действиями, которые совершают экстремистские организации, а не с теми идеями, которые содержатся в их идеологии [6]. В подтверждение этой точке зрения необходимо указать на то, что любая религия, предполагающая наличие особой связи с Богом и претендующая на обладание истиной и требующая от своей паствы исполнения религиозных обязательств может быть признана экстремистской. Однако экстремистскими становятся только те религиозные организации, которые совершают реальные преступления против человека и общества [1].

Эти данные доказывают, что экстремизм является не религиозным, а социальным явлением, социальные последствия которого одинаковы вне зависимости от их религиозного или внерелигиозного источника. Эти последствия определяются содержанием целей экстремистских организаций, для которых главным является осуществление социального насилия во имя политических или экономических целей. Экстремисты могут прикрываться религиозными лозунгами, однако это не меняет их сущностного стремления к захвату власти насильственными методами. Поэтому, очевидно, что необходимо различать религиозные угрозы и нерелигиозные угрозы, исходящие от религиозной организации [10]. Нерелигиозная угроза, которую может нести религиозная организация, заключается в последствиях экстремистской деятельности, приносящих ущерб жизни и здоровью человека, а также целостности общества и государства. Этот вид угроз несет за собой реальный вред человеку и обществу и подпадает под действие уголовного законодательства. Напротив, религиозные угрозы затрагивают сферу трансцендентных ценностей, которые не фиксируются законодательством и касаются тех проблем, которые должны разрешаться с помощью межконфессионального диалога разных религий [15].

Отсюда можно сделать вывод о том, под религиозной угрозой необходимо понимать комплекс условий и факторов, произведенных в религиозной сфере и являющихся причиной принесения

ущерба для существующей религиозной системы, общества и религиозного спасения личности. Однако эта составляющая не отражается в юридических документах, в частности в Стратегии национальной безопасности, что делает понятие «религиозной угрозы» чем-то, что характеризует не реальный ущерб, а риторику, которая сопровождает конфликтное взаимодействие различных конфессий. Отсюда, можно прийти к выводу, что влияние религии на жизнь общества всегда оценивается очень субъективно [19].

Например, религиозная деятельность нетрадиционных религиозных объединений характеризуется представителями православия, как религиозный экстремизм, основными признаками которого считаются религиозная идеология; стремление обосновать возможность насильственных действий против оппонентов; преобладание эмоционального способа воздействия; деформация сознания людей [18]. Однако, на наш взгляд, в этих обвинениях проявляется традиционное конфессиональное представление о религиозных оппонентах, характерное для большинства религиозных организаций, которые независимо от их статуса в обществе, негативно относятся к другим конфессиям [19]. Внутренняя конкуренция в борьбе за паству перевешивает способность к принятию права на существование иных религиозных и духовных концепций. Причиной этого является религиозная идеология, наличествующая в каждой религии и отрицающая инакомыслие по отношению к проповедуемым ей догмам [23].

Это служит причиной возникновения противоречия между современным либеральным законодательством, предполагающим гарантию права свободы религиозного выбора и радикальными религиозными требованиями со стороны доминирующей в обществе религии, требующей подчинения граждан страны, права которых отходят на второй план по сравнению с навязываемыми им религиозными обязанностями. Трудность составляет то, что в России, как светском государстве действуют законы, поддерживающие принципы свободы совести, делающие неприемлемыми религиозную нетерпимость. Поэтому понадобилось разграничение между такими понятиями, как экстремизм и вероучение, первое из которых означало насилие, а второе – абстрактные положения религиозных текстов, которые могли оправдывать насилие, однако насилием не являлись [17].

Как правило, классики религиоведения, говоря о содержании религиозных текстов, указывали на трансцендентный характер религиозных истин, что не позволяло им однозначно оценивать степень их опасности, так как предполагало признание неоднозначности их возможного влияния на общество [21]. Однако в социальной реальности проблемами религиозной безопасности, как правило, занимались не классики, а специалисты-коммуникаторы, использующие неверифицируемость представлений о религии в своих целях и распространяющих свои оценки в отношении вероучительных доктрин своих религиозных оппонентов. Они стали трактовать содержание религиозных текстов, в качестве руководства для социальной, экономической и политической деятельности и оценивать его как источник религиозной угрозы [14].

Специфика данного взгляда должна заключаться в постулировании опасности влияния на верующих особого вероучения, которое выступает в качестве мотива поведения верующих и приводит их к преступлениям, либо к совершению преступлений против них. Поэтому представления о религиозной угрозе, закрепившиеся в современном российском дискурсе, включают в себя убеждения в том, что какие-то из религиозных текстов могут содержать в себе скрытые и явные угрозы существующим порядкам и личности [24]. Вместе с этим надо учитывать, что уголовная ответственность предусматривается не за любые действия, а только за те, кото-

рые совершаются публично с обращением к определенному кругу лиц. Таким образом, не всякий религиозный текст, представляющий собой выражение нетрадиционных религиозных идей, может быть признан экстремистским, а только тот, который содержит публичные призывы к экстремизму [2].

С другой стороны, необходимо отдавать отчет в том, что многие мировые религии основаны на радикальных доктринах, содержащихся в частности в Библии и Коране, где имеются призывы, требующие применять насилие по отношению к неверным. Отсюда можно заключить что, радикальные требования содержит любой вероисповедный текст, то есть все религии очень чувствительны к посягательствам на ценности, которые они почитают святыми. Таким образом, любая из религий, обладает таким потенциалом, который с одной стороны придает ей устойчивость к внешней агрессии, с другой, открывает возможности, благодаря которым отдельные ее представители, включая верующих, священников, отдельные организационные подразделения могли бы высказывать экстремистские идеи, а также участвовать в экстремистской деятельности. Однако важно и то, что представители экстремистских организаций, которые не являются религиозными, могут использовать в своей практике религиозные лозунги, камуфлируя политические и экономические цели [17].

Здесь важно отметить, что наличие религиозных текстов, содержащих определенные типы призывов, понимаемые как угрозы, все же представляют такую угрозу обществу, которая существует еще как возможность. То есть спецификой понятия «религиозная угроза» по сравнению с иными типами угроз является то, что предметом ее рассмотрения являются события, которые еще только должны случиться, или призывы, посредством которых религиозные тексты призывают совершить. Для практики регулирования и наказания такой тип угроз, как правило, связан с дискурсивностью и попытками разных сторон доказать различные позиции в отношении трактовки одних и тех же деяний. Поэтому для определения степени опасности религиозного текста прибегают не только к юридической, но и к религиоведческой, филологической и психологической экспертизам, дающим научный, но часто далекий от правового, анализ степени его опасности [12].

При этом ответы на вопрос о сущности влияния религиозных текстов на общество очень разнятся между собой. Представители конфессионального религиоведения считают, что сущностью религиозного откровения, которую отражают религиозные тексты, является наличие связи с трансцендентным началом, что выявляется из их содержания путем анализа, выявляющего из соответствие догматике той или иной религии. Напротив, светское религиоведение считает религию только социальным явлением, и таким образом, в этом случае выявление религиозной угрозы заключается в анализе содержащихся в религиозных текстах призывов к осуществлению противоправных видов социального поведения [4].

Однако здесь есть определенное противоречие, которое заключается в том, что угроза, которая исходит от религий, кажется религиозной только тогда, когда она носит потенциальный характер, а при констатации уже совершенных противоправных деяний, религиозная угроза перестает быть потенциальной и становится реальным причинением ущерба. Реально причиненный ущерб, в отличие от потенциальной угрозы, как правило, носит конкретный социальный характер и определяется количеством материального вреда или вреда здоровью и жизни человека. В этом случае религиозные организации, причинившие этот вред, рассматриваются уже не как религиозные, а как экстремистские. Их вина перестает быть религиозной, таким образом, и угроза принимает социальный характер. Однако, как тогда должна фиксироваться

религиозная угроза, остающаяся в рамках текстового содержания вероучительных доктрин?

По мнению современных российских законодателей и исследователей религиозной безопасности угроза со стороны вероисповедных текстов представлена таким противоправным действием, как «оскорбление религиозных чувств верующих», которое носит религиозный, но в то же время, фиксируемый в практическом плане характер, который отражен как «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [11]. При этом, понятно, что нанесение имущественного, либо физического вреда вряд ли способно нанести ущерб «религиозным чувствам», поэтому важно определить, что такое моральный вред.

Дело в том, что в понятии о «моральном вреде» не зафиксированы конкретные последствия преступного воздействия на человека и общество, которые отражали бы наступление ущерба для религиозных чувств верующих. Не ясным является, как абстрактное понятие «религиозные чувства» вообще может испытывать какой-либо ущерб от причиненного им оскорбления. Реальная степень религиозной угрозы в области причинения морального ущерба религиозным чувствам верующих остается предметом дискурса в отношении каждого конкретного деяния и поэтому носит характер потенциальной возможности. Отсюда основной задачей борцов за религиозную безопасность традиционно является попытка убедить массовое сознание и представителей правоохранительных органов в том, что природа той или иной нетрадиционной религии носит опасный характер.

Это ставит на повестку дня проблему, связанную с обсуждением того, является ли каждая религия самостоятельным явлением, которое основывается на объективно существовавшем контакте с силами вне человеческого сознания, либо она зависит только от социальных и психологических факторов и, таким образом, существует только в сознании верующих. Внешний наблюдатель не может ответить на этот вопрос, так как ответ скрыт от наблюдения извне. Поэтому вопросы о потенциальных угрозах религии чаще всего являются предметом дискурса, зависящего от априорных убеждений того или иного автора.

Вывод:

Таким образом, можно заключить, что каждая религия из того множества, которое можно наблюдать в границах современного конфессионального пространства, может иметь возможность связи с запредельным и спасения верующих. Поэтому светское религиоведение и социальная философия заинтересованы не в разоблачении опасных для общества проявлениях религии, а в разработке теории социальной адаптации религии, где рассматривается система взаимодействия религии и общества. Согласно этой теории, вновь возникающие религии в результате попыток распространить свое влияние в обществе вызывают негативную реакцию. Эта реакция и связанная с ней практика преследования нетрадиционных религий оценивается в качестве инструмента социализации, который понуждает вновь возникающие религиозные объединения предпринимать усилия, с одной стороны нацеленные на защиту своих прав, с другой – направленные на трансформацию собственных первоначальных организационных, идеологических и стратегических установок, то есть на процесс адаптации к обществу, которое первоначально им отвергалось.

В результате такого взаимодействия первоначально преследуемые в обществе религиозные объединения формируют вокруг себя атмосферу толерантности и становятся равноправными участниками социального дискурса. Они участвуют в процессах адаптации, которые оцениваются в качестве объективной реальности, существующей во-

круг любой религиозной новации, появление которой вызывает ответную реакцию в виде социального неодобрения. Отвечая на это неодобрение, организация стремится к формированию своей социальной приемлемости и респектабельности. Важно, что этот процесс, порождающий новых игроков в рамках социального пространства, влияет и на традиционные религии, которые вынуждены либо потесниться на рынке духовности, либо также, как и его конкуренты трансформировать свою социальную политику. Христианство не уходит в прошлое, однако реальность такова, что современная религиозная ситуация начинает характеризоваться все большим разнообразием, а проблема религиозной угрозы все менее и менее поддается регулированию посредством только простых запретительных акций.

Литература

1. Астэр И. В., Кучукова Н. Ю., Серов Н. В. Причины религиозного экстремизма и способы его преодоления // Современные исследования социальных проблем. 2012. №2. С. 1-14.

2. Бельский А. И. Уголовная ответственность // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 67-69.

3. Бушуева Е. С. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования: учебное пособие // Е. С. Бушуева, А. В. Жуков. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.

4. Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки / Сост. А. М. Лепихов, О.П. Мороз. М. Государственное издательство политической литературы, 1979. С. 61.

5. Добреньков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии: монография. М.: Высш. шк., 1989. С. 178.

6. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.

7. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.

8. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 4. С. 66–71.

9. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореферат дисс. докт. филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.

10. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (41). С. 54-58.

11. Закон о защите чувств верующих с точки зрения юриста [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nsad.ru/articles/zakon-o-zashhite-chuvstv-veruyushhih-s-tochki-zreniya-ateista) (Дата обращения: 04.03.2020).

12. Загребина И. В. К вопросу о государственной религиоведческой экспертизе // Вестник Приволжской академии государственной службы. 2010. № 3 (24). С. 73-77.

13. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://www.kremlin.ru (Дата обращения: 24.02.2020).

14. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 52.

15. Прокудина Н. В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75-82.

16. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 644-650.

17. Светский Е. В. Россия светское, демократическое государство // Публичное и частное право. 2014. № 4(24). С. 68-87.

18. Слобожникова В. С. Концептуализация угроз религиозной безопасности исследовательских практик современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131) С. 255-261.

19. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования: учебное пособие // В. Г. Зарубин (ред). СПб: Легион-М, 2013. Вып. 3.511 с.

20. Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской федерации: дисс. …. д-ра юр. наук: 12.00.02. Тюмень, 2015. 376 с.

21. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб: Алетейя, 1994. 432 с.

22. Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 10-13.

23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Miths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.

24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321-1330.

A religious threat as a subject of social-philosophical research

Mladenov V.I.
Transbaikal State University

The article analyzes the research methodology of the problem of religious threats, aiming to identify their specificity in comparison with other threats to state and public security. Methodology the presented study is composed of a phenomenological approach, comparative approach, historical approach, comprehensive approach, determine the course of the study, which consists not in exposing the threat to the public manifestations of religion, and in the development of the theory of social adaptation of religion. As the author argues, emerging religion by trying to spread its influence in society cause a negative reaction. This reaction compels them to make efforts, on the one hand aims to protect their rights, on the other – aimed at the transformation of the original own institutional, ideological and strategic installations, that is, the process of adaptation to the society that originally rejected them. The result of this interaction initially pursued in society, religious associations form an atmosphere of tolerance and become equal participants in social discourse. It is important that this process of generating new players in the social space influences traditional religions, who are forced either to make room in the market of spirituality, or as well as its competitors to transform their social policies.

Key words: Religious threats to religious security, the evolution of religion, religious conflict, social adaptation of religion, religious extremism, antisemitism.

References

1. Aster IV, Kuchukova N. Yu., Serov NV Causes of religious extremism and ways of overcoming it // Modern studies of social problems. 2012. No. 2. S. 1-14.
2. Belsky A. I. Criminal responsibility // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2. S. 67-69.
3. Bushueva ES Socio-cultural environment of Transbaikalia: specificity of formation: a textbook // ES Bushueva, AV Zhukov. Chita: ZabGU, 2012.170 p.
4. Dialogues: polemical articles on the possible consequences of the development of modern science / Comp. A. M. Lepikhov, O. P. Frost. M. State Publishing House of Political Literature, 1979, p. 61.
5. Dobrenkov V. I., Radugin A. A. Methodological issues in the study of religion: monograph. M .: Higher. shk., 1989.S. 178.
6. Zhukov AV Formation of a religious-mythological worldview and myths about religiosity // Bulletin of the Chita State University. 2010. No. 3 (60). S. 27-33.
7. Zhukov AV Religiousness, subjectivism and construction of the concepts of a religious personality // Bulletin of the Chita State University. 2010. No. 2 (59). S. 129-136.
8. Zhukov AV Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. No. 12. Part 4. P. 66–71.
9. Zhukov A. V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of thesis. doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011.45 p.
10. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Causes and factors of the emergence and spread of mythological images of China among the population of Transbaikalia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2014. No. 3-1 (41). S. 54-58.

11. The law on the protection of the feelings of believers from the point of view of a lawyer [Electronic resource]. Access mode: http://www.nsad.ru/articles/zakon-o-zashhite-chuvstv-veruyushhih-s-tochki-zreniya-ateista) (Date of access: 03/04/2020).
12. Zagrebina IV On the issue of the state religious examination // Bulletin of the Volga Academy of State Service. 2010. No. 3 (24). S. 73-77.
13. The concept of public safety in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation) [Electronic resource]. Access mode: // http: // www.kremlin.ru (date of access: 24.02.2020).
14. Luhmann N. Power. M .: Praxis, 2001.S. 52.
15. Prokudina NV Religious aspect of national security in modern Russia // MagistraVitae: electronic journal on historical sciences and archeology. 2017. No. 1. S. 75-82.
16. Ruzevich OR Features of the legislative regulation of the threat in the criminal law of Russia and foreign countries // Legal technology. 2015. No. 9. S. 644-650.
17. Secular E. V. Russia is a secular, democratic state // Public and private law. 2014. No. 4 (24). S. 68-87.
18. Slobozhnikova VS Conceptualization of threats to religious security of research practices in modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019.No. 6 (131) S. 255-261.
19. Sociology: concepts, sectoral theories and methods of applied research: textbook // V. G. Zarubin (ed.). SPb: Legion-M, 2013. Issue. 3.511 s.
20. Tarasevich IA Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation: diss. …. Dr. jur. Sciences: 12.00.02. Tyumen, 2015.376 p.
21. Schleiermacher F. Speeches about religion. Monologues. Saint Petersburg: Aleteya, 1994.432 p.
22. Yavorsky M.A. Reasons and conditions for manifestations of religious extremism in modern Russia // Journal of Russian law. 2007. No. 7. S. 10-13.
23. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Miths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.Vol. 9, No. 42, p. 104239.
24. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016.Vol. 11.No. 5.P. 1321-1330.